

М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова

Этапы разработки опросника «Тип ролевой виктимности»

В статье описаны этапы разработки опросника «Тип ролевой виктимности». На основании теоретического анализа научных работ определено основное понятие: ролевая виктимность. Разработаны ключевые характеристики основных ролей жертвы: игровая роль жертвы, социальная роль жертвы. Описан процесс работы над содержательной валидностью опросника. Осуществлена проверка критериальной, конструктивной, конвергентной валидности и надежности опросника.

Ключевые слова: ролевая виктимность, игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, надежность, валидность.

М. А. Odintsova, N. P. Radchikova

Stages of «The Type of Role Victimization» Questionnaire Development

In the article the stages of «The Type of Role Victimization» questionnaire development are described. The types of role victimization and the basic concept role victimization are determined being based on the theoretical analysis of literature. The key characteristics of main victim roles are developed: a victim acting role and a victim social role. The process of questionnaire substantial validity testing is described. The verification of the questionnaire criterion, conceptual and convergent validity as well as reliability verification are carried out.

Key words: role victimization, a victim acting role, a victim social role, reliability, validity.

В настоящее время наблюдается усиление внимания психологов к вопросам виктимности (от лат. *victima* – жертва), хотя о необходимости психологизации данной проблемы писали ученые еще более ста лет назад (Э. Крепелин, 1900 и др.). Невозможность разрешения многих вопросов виктимности исключительно через анализ внешних причин виктимизации отмечается и в современных исследованиях (А. В. Мудрик, В. Д. Ривман, Е. В. Руденский и др.). Все чаще поднимается проблема диагностики психологической виктимности (В. Д. Ривман, Е. В. Руденский и др.), которая остается не до конца разработанной. В научной литературе обнаружена единственная методика, позволяющая исследовать склонность к виктимному поведению О. О. Андронниковой [1]. Автор справедливо подмечает основные характеристики виктимной личности, проявляющиеся в агрессии, аутоагрессии, гиперсоциальности, зависимости, нескритичности, реализованной виктимности, в результате чего повышается вероятность превращения лица в жертву преступления или несчастного случая (О. О. Андронникова). Криминальная и экстремальная среда действительно может быть индикатором виктимности. Однако виктимность может носить и латентный характер, проявляться в повседневной жизни, чему способствует «непра-

вильное воспитание» (А. Адлер, Э. Берн, И. Павлов и др.); «неблагоприятное влияние законодательства» (Э. Крепелин, К. Ясперс, и др.); необоснованная помощь и поддержка незащищенных, ущемленных в своих правах категорий граждан (Э. Крепелин и др.) и мн. др.

Проведенное нами теоретическое исследование позволяет конкретизировать проблему виктимности и выделить феномен ролевой виктимности. В нашем понимании **ролевая виктимность** – это предрасположенность индивида в силу неблагоприятных объективных, специфических субъективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы. Ролевая виктимность выступает как особое, динамическое сочетание игровых и социальных ролей, в основе которых лежат рентные установки. Рентная установка – это особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения, возникающее на фоне необоснованной помощи и поддержки со стороны микро- и макроокружения, и оказывающее деформирующее влияние на личность и все ее поведение. Специфика проявления рентных установок в поведении индивида

выражается в утилитарном подходе к своему бедственному положению; в настойчивых требованиях компенсаций; в ощущении себя особенно пострадавшим и беспомощным; в фокусировании психической активности на страдании; в иждивенческих тенденциях, паразитических взглядах; в инфантилизме; в беспомощности, пассивности и т. п. Отталкиваясь от определения ролевой виктимности, на основании выделенных В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым [9] единиц анализа связей и отношений в группах, нами были выделены игровая и социальная роли жертвы.

Игровая роль жертвы – это единица анализа свободных, ситуативных, взаимовыгодных и легко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, согласующихся с внутренними особенностями виктимного индивида (демонстративность, инфантильность, манипулятивность и др.), имеющих в своей основе скрытую мотивацию, и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию. Игровая роль через эмоционально-когнитивный процесс идентификации себя с жертвой приводит к усвоению личностных смыслов последней и вызывает соответствующее поведение. К основным характеристикам игровой роли жертвы можно отнести инфантилизм, демонстративность, боязнь ответственности, экстернальность, рентные установки, искусство манипулирования. Следует отметить особую пластичность игровой роли жертвы, способствующую хорошей адаптации.

Позиция жертвы – воплощение игровой роли жертвы, стойкое образование, характеризующееся совокупностью закрепившихся рентных установок, которые с повышением прочности игровой роли подвергаются постепенному разрушению. Все характеристики, свойственные индивидам с игровой ролью жертвы сохраняются, закрепляются, заостряются, приобретают экспрессивный характер.

Социальная роль жертвы – это единица анализа навязанных, но ситуативных отношений, способствующих стигматизации индивида, деформирующих возможности построения его жизнедеятельности на ближайшую и отдаленную перспективу. Социальная роль жертвы предполагает любой тип аутсайдерства. Такого индивида не покидает ощущение, что он изгой, окружающий мир кажется ему враждебным. Склонность обвинять в случившемся обстоятельства сочетается с самообвинениями. В отличие от игровой роли жертвы, в социальной роли отсутствует ма-

нипулятивный компонент и слабо выражены рентные установки. Кроме этого, такой индивид менее гибок в отношениях с другими людьми, труднее адаптируется в социуме.

Статус жертвы – это воплощение социальной роли жертвы, прочное образование, включающее совокупность рентных установок, которые с усилением основных характеристик социальной роли закрепляются в модели поведения индивида и способствуют деформации личности и поведения.

Далее, на основании теоретического анализа и выделения ролей жертвы, последовал этап разработки и стандартизации опросника «Тип ролевой виктимности», который начался с 2009 г.

Содержательная валидность. Для обеспечения содержательной валидности опросника был использован метод независимых экспертных оценок. В роли экспертов выступили практикующие психологи (N=5) со стажем работы от 10 до 20 лет и студенты-психологи выпускного курса (N=21), которым был прочитан курс «Психология жертвы» (60 часов). На одном из занятий в форме групповой работы со студентами был проведен психологический практикум по составлению психологического портрета того или иного типа жертвы. Проводилось обсуждение представленных портретов жертвы, на основании чего экспертами составлялись вопросы, которые могли выявить личностные и поведенческие характеристики тех или иных ролей жертвы и войти в опросник. Опросник изначально состоял из 50 пунктов, каждый из которых логически связан с основной темой ролевой виктимности, и ответы, на которые могли быть обработаны количественно. Далее, независимым экспертам (N=26) необходимо было оценить степень соответствия того или иного вопроса по конкретной шкале по пятибалльной системе оценивания. Выставленные оценки подвергались анализу. Вопросы, получившие в среднем 4 балла и менее (из расчета среднего арифметического), из опросника были удалены. В результате проделанной работы в опросник вошло 32 пункта, которые наиболее точно, по мнению независимых экспертов, отражают содержание каждой шкалы. Для устранения категоричности, неопределенности часть вопросов были переформулированы. В итоге, последний вариант опросника состоит из 32 вопросов и содержит 2 шкалы, по 16 пунктов в каждой. Каждый вопрос относится только к одной шкале. При ответах на вопросы, испытуемым необходимо дать ответы: «да»; «скорее да, чем

нет»; «скорее нет, чем да»; или «нет». За совпадение с ключом насчитываются баллы от 0 до 3 (0 баллов – за ответ «нет»; 1 балл – за ответ «скорее нет, чем да»; 2 балла – за ответ «скорее да, чем нет»; и 3 балла – за ответ «да»). Результаты по шкалам опросника объединяются в общий показатель ролевой виктимности. Предполагалось, что сумма баллов, набранная испытуемыми, соответствует степени выраженности психологических признаков той или иной роли жертвы (игровой либо социальной). Чем выше сумма баллов, тем выше вероятность перехода «игровой роли жертвы» в «позицию жертвы», а социальной роли в «статус жертвы» и, соответственно, выше степень проявления ролевой виктимности в поведении испытуемого.

Надежность опросника. Две проверки надежности, проведенные на разных выборках испытуемых (N=155 и N=106 соответственно) исследования, показали практически одни и те же результаты. Для первой выборки (155 человек различных профессиональных предпочтений и пола, возраст которых колебался в пределах от 18 до 63 лет) по первой шкале опросника («игровая роль жертвы») были получены положительные корреляции каждого пункта шкалы с итоговым баллом шкалы, которые варьировали от 0,16 до 0,54 (в среднем по шкале 0,44). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,72, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,73. Для второй шкалы опросника («социальная роль жертвы») также были получены положительные корреляции всех пунктов шкалы с финальным баллом. Они варьировали от 0,32 до 0,67 (в среднем по шкале 0,53). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,83, а альфа

Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,85. Баллы по обеим шкалам оказались нормально распределены (критерий Шапиро-Уилка $W=0,99$; $p=0,10$ и $W=0,99$; $p=0,50$ соответственно).

Для второй выборки (106 студентов различных специальностей в возрасте от 17 до 21 года) по первой шкале опросника («игровая роль жертвы») были получены положительные корреляции каждого пункта шкалы с итоговым баллом по шкале, которые варьировали от 0,25 до 0,65 (в среднем по шкале 0,47). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,77, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,80. Для второй шкалы опросника («социальная роль жертвы») также были получены положительные корреляции всех пунктов шкалы с итоговым баллом. Они варьировали от 0,36 до 0,67 (в среднем по шкале 0,51). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,81, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,87. Баллы по шкале «игровая роль жертвы» немного отклонились от нормального распределения (критерий Шапиро-Уилка $W=0,97$; $p=0,01$), а баллы по шкале «социальная роль жертвы» оказались нормально распределены ($W=0,98$; $p=0,11$).

Таким образом, были получены довольно высокие уровни внутренней согласованности вопросов по шкалам опросника и с общим баллом ролевой виктимности. Аналогичные результаты, полученные на двух разных выборках, свидетельствуют о надежности опросника. Коэффициенты корреляции между шкалами опросника («игровая роль жертвы» и «социальная роль жертвы»), а также с общим баллом «ролевой виктимности» приведены в таблице 1.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между шкалами опросника
«Тип ролевой виктимности» и общим показателем

Шкалы опросника	Социальная роль жертвы	Общий балл ролевой виктимности
Игровая роль жертвы	0,51	0,87
Социальная роль жертвы		0,87

Умеренная связь между шкалами свидетельствует о том, что разные роли жертвы характеризуют сходные проявления ролевой виктимности, которые могут быть объединены общим баллом.

Конструктивная валидность опросника. Для проверки конструктивной валидности опросника «Тип ролевой виктимности» подсчитывались корреляции шкал опросника и его общего балла с опросником выявления склонности к виктим-

ному поведению О. О. Андронниковой [1]. Процедура конструктивной валидности состояла в установлении как сходства, так и различия исследуемых психологических феноменов, измеряемых созданным опросником, по сравнению с уже существующим. Корреляции между шкалами предлагаемого опросника и аналогичным по конструкту тестом О. О. Андронниковой (табл. 2) говорят о том, что разрабатываемый тест «изме-

ряет» примерно ту же личностную особенность. Полученные зависимости позволяют утверждать, что оба опросника направлены на исследование похожих конструктов, но являются разными. Новая методика обладает следующими преимуществами: она краткая, легкая в применении и обработке данных, и выявляет ролевую (социаль-

ная и игровая роли жертвы) виктимность. Формально состоящая из двух шкал, данная методика дает возможность выявить тенденцию к фиксации той или иной роли в поведении индивида и переходу ее в позицию жертвы или статус жертвы.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами методики О. О. Андронниковой и методики «Тип ролевой виктимности» (N=120)

Ролевая виктимность	Склонность к виктимному поведению					
	Агрессия	Аутоагрессия	Гиперсоциальность	Зависимость	Некритичность	Реализованная виктимность
Игровая роль жертвы	0,44	0,25		0,41	0,36	0,42
Социальная роль жертвы		0,22		0,39		0,40
Общий балл по ролевой виктимности	0,30	0,28	-0,21	0,41	0,24	0,48

Примечание: приведены только значимые корреляции.

Конвергентная валидность. Одной из составляющих конструктивной валидности является конвергентная валидность, которая определяется наличием прямых и обратных связей типов ролевой виктимности с другими психическими явлениями. Конвергентная валидность проверялась в ходе исследований, проводимых авторами с 2009 по 2011 гг., путем подсчета коэффициентов корреляции опросника «Тип ролевой виктимности» со шкалами уже разработанных психологических опросников. Так, была прослежена взаимосвязь типов ролевой виктимности со шкалами теста «Жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Расказовой [6], опросника «Смыслжизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева [7]; методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях

(SACS) Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой [3], показателями опросника «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т. Л. Крюковой [5], а также со шкалами русскоязычной версии опросника «Проактивное совладающее поведение» Е. С. Старченковой [3] (табл. 3).

Исследование показало, что игровая и социальная роли жертвы, и ролевая виктимность в целом, отрицательно коррелируют со всеми шкалами теста «Жизнестойкость». Это означает, что люди с выраженной виктимностью пассивны, беспомощны, опасаются ставить труднодостижимые цели, боятся рисковать, сожалеют о прошлом и мечтают о спокойной, размеренной жизни.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и различными психологическими опросниками

	Шкалы теста «Тип ролевой виктимности»		
	Игровая роль жертвы	Социальная роль жертвы	Общий уровень ролевой виктимности
Шкалы теста Жизнестойкости (N=120)			
Вовлеченность	-0,25	-0,51	-0,57
Контроль	-0,21	-0,38	-0,48
Принятие риска	-0,33	-0,30	-0,33
Общий уровень Жизнестойкости	-0,50	-0,48	-0,55
Шкалы теста Смыслжизненных ориентаций (СЖО) (N=133)			
Цель	-0,46	-0,37	-0,47
Процесс	-0,44	-0,35	-0,42
Результат	-0,44	-0,41	-0,49

Локус-контроля Я	-0,38	-0,32	-0,42
Локус-контроля Жизнь	-0,40	-0,33	-0,44
Общий уровень СЖО	-0,44	-0,39	-0,49
Шкалы методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях (SACS) (N=133)			
Ассертивные действия	-0,35		-0,29
Импульсивные действия	0,27	0,25	0,29
Избегание	0,33	0,36	0,38
Непрямые действия	0,35		0,28
Асоциальные действия	0,26	0,28	0,30
Агрессивные действия	0,39	0,35	0,40
Копинг, ориентированный на эмоции (методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т. Л. Крюковой)	0,45	0,48	0,50
Превентивное преодоление (методика Е. Старченко-вой)	-0,24		

Примечание: приведены только значимые корреляции.

Получены также умеренные отрицательные корреляционные связи между типами ролевой виктимности и шкалами теста смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что люди с высоким уровнем ролевой виктимности характеризуются отсутствием в жизни осознанных целей, процесс своей жизни воспринимают как скучный и бессмысленный, они не удовлетворены своей самореализацией, не верят в свои силы и свои способности контролировать события собственной жизни.

Отрицательные корреляционные связи со шкалой «ассертивные действия» и шкалой «превентивное преодоление» свидетельствуют о том, что индивиды с выраженной ролевой виктимностью не способны к действиям по нейтрализации негативных последствий стрессовых событий. Положительные корреляционные связи со шкалами «импульсивные действия», «избегание», «непрямые действия», «асоциальные» и «агрессивные действия» и со шкалой «копинг, ориентированный на эмоции» говорят о том, что люди с выраженной ролевой виктимностью негативно оценивают происходящее и не способны к быстрой мобилизации своих ресурсов в стрессовых ситуациях. При столкновении с трудными жизненными ситуациями, они чаще прибегают к избегающим стратегиям, манипуляции, асоциальным и даже агрессивным действиям. Копинг, ориентированный на эмоции, способствует быстрому эмоциональному истощению личности и превращению ее в жертву событий, ситуаций, и др.

Дополнительные подтверждения конструктивной валидности опросника были получены в сравнительных исследованиях различных социальных групп подростков, которые предположи-

тельно могли различаться по степени проявления виктимности. Так, особую уязвимую группу составляют подростки из неполных и социально незащищенных семей, о чем свидетельствуют научные источники [2, 4 и др.]. С учетом указанного обстоятельства, опросник был апробирован на подобных выборках подростков. Одно из таких исследований посвящено изучению виктимности подростков из полных и неполных семей [8]. Как и предполагалось, более высокий уровень ролевой виктимности по шкале «социальная роль жертвы» и по итоговому показателю был обнаружен у подростков из неполных семей [8].

Второе исследование включало группы подростков из полных (N=71), неполных (N=24) и социально незащищенных семей (N=25). Базой для проведения исследования явились Центры социального обслуживания населения и образовательные учреждения (колледжи) г. Москвы. Результаты исследования показали, что все три группы статистически значимо различаются по двум шкалам опросника и по итоговому показателю ($p=0,000$) [в публикации]. Подростки из социально незащищенных семей отличаются высоким уровнем проявления ролевой виктимности. Показатели у подростков из неполных семей значительно ниже, а самый низкий уровень ролевой виктимности характерен подросткам из полных семей. Следовательно, в группах подростков из неполных и социально-незащищенных семей, ролевая виктимность выражена сильнее. Такие семьи можно считать особыми виктимогенными группами, требующими более пристального внимания со стороны специалистов.

Таким образом, методика «Тип ролевой виктимности» на эмпирическом уровне эффективно различает группы индивидов, которые, согласно

теоретическим предположениям и результатам эмпирических исследований, представляют особые виктимогенные группы.

В дальнейшем предполагается проведение психологических исследований на разных выборах с учетом возрастной, гендерной специфики, которые позволят уточнить и углубить представления о ролевой виктимности.

Библиографический список:

1. Андроникова, О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению [Электронный ресурс] / О. О. Андроникова. – Режим доступа : <http://spsi.narod.ru/5.htm>.
2. Бойко, В. В. Социально защищенные и незащищенные семьи в изменяющейся России [Текст] / В. В. Бойко, К. М. Оганян, О. И. Копытенкова. – СПб. : Сударья, 1999. – 236 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса [Текст] / Н. Е. Водопьянова. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.
4. Ключников, С. В. Социально-незащищенные дети, их проблемы и будущее [Текст] / С. В. Ключников. – Великий Новгород, 2002. – 36 с.
5. Крюкова, Т. Л. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения [Текст] / Т. Л. Крюкова // Психологическая диагностика. – 2005. – № 2. – С. 65–75.
6. Леонтьев, Д. А. Рассказова, Е. И. Тест жизнестойкости [Текст] / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
7. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО) [Текст] / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 18 с.
8. Одинцова, М. А. Образ мира у подростков из неполных семей [Текст] / М. А. Одинцова // Вопросы психологии. – 2011. – № 2. – С. 82–89.
9. Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека [Текст] / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.